

Первая течка омеги после совершеннолетия длится дольше обычного и сопровождается несколькими волнами течки.

Шумные цикады неведомо когда стихли. В ушах звенел слабый, как жужжание насекомых, звон. Свет под сетчаткой мерцал, распадаясь на большие неясные сгустки. Это было похоже на то, как будто человек внезапно отрезается от внешнего мира, изолированный в некоем пространстве.

Зрение и слух Тун Цинхэ стремительно и абсурдно ухудшились за короткие полчаса после обморока. Волна за волной безжалостный жар охватывал его тело. Только первая волна течки окрасила каждый участок его кожи в красный цвет, словно он горел в огне.

Сознание медленно вернулось на сорок седьмой минуте после того, как Тун Цинхэ потерял сознание.

Он попытался пошевелиться, но его слегка сжатые кончики пальцев едва заметно дрогнули. Казалось, это задело какую-то часть тела, и из горла вырвался хриплый, сухой стон боли.

Падение с лестницы вызвало тупую, давящую боль в затылке. Он чувствовал сильное головокружение, вероятно, получил сотрясение мозга. Сознание Тун Цинхэ болталось и плыло в голове, не находя точки опоры.

Помимо этого, высокая температура тела привела его в состояние обезвоживания. На губах быстро образовалась сухая корка. Обычно влажные и пухлые губы треснули, обнажив тонкие прожилки крови.

Жар усиливался. Кровь в теле закипала, быстро приливая к сердцу. Сильное сердцебиение грозило удушьем. Он с трудом открыл рот. Казалось, некий демон сжал его горло. Он тяжело и громко хватал воздух, зрачки расширились.

Он дрожа свернулся. На полу от его обильного пота собралась влажная лужица.

Тун Цинхэ чувствовал себя ужасно, словно его жарили на огне. Каждая кость, каждый участок кожи будто разрывались, сжигаясь дотла.

Было очень больно. Из глаз постоянно текли слёзы, смешиваясь с липким потом, размазывая всё лицо.

Его охватило огромное чувство одиночества. Рядом не было никого, на кого можно было бы положиться. Омега в период течки был подобен маленькой птичке, испуганной до крайности. Боль, страх и одиночество полностью поглотили его.

Тун Цинхэ скучал по своему альфе, скучал по Цзян Шаочжи, который на экране выглядел

суровым и торжественным, но на самом деле был нежным и сдержанным.

На экране...

Рассеянный Тун Цинхэ поймал проблеск ясности. Он опёрся на дрожащие, слабые руки. Тело не могло подняться. Локти просто скользили по полу, оставляя влажные следы. Он полз к огромному экрану в центре гостиной.

На столе стояла бутылка с недопитой холодной водой. Зрение было нечётким. Тун Цинхэ ударился о ножку стола. Вода хлынула ему на голову, мгновенно пробудив в нём жажду этой прохлады.

Беспорядочно шаря руками по полу, Тун Цинхэ быстро схватил бутылку, из которой текла вода. Он широко открыл рот и проглотил оставшуюся воду. К сожалению, это было похоже на лёгкий весенний дождик, который не мог потушить пожар внутри. Вода, проникавшая в лёгкие и живот, не принесла облегчения. Ему нужно было больше влаги.

В этот момент камера переключилась на Цзян Шаочжи, который начал говорить.

Знакомый голос отрывками доносился до его ушей. В шуме звона Тун Цинхэ услышал, как говорит его альфа. Он отчаянно пополз к большому экрану. Он не замечал, что сбивал и опрокидывал по пути. Предметы, падавшие на него, он не чувствовал.

Его тело претерпело колоссальные изменения, став чувствительным и хрупким. Любая боль ощущалась в разы сильнее.

Больно, но ради своего альфы Тун Цинхэ был бесстрашен.

Наконец он приблизился к своему альфе. Глядя на смутный свет на экране, он не мог сдержать слёз, которые ручьями текли по его щекам.

В этот момент омега превратился в монстра, которого он сам не узнавал. Он не мог перестать всхлипывать и изо всех сил пытался разглядеть мужчину на экране.

Слёзы громко падали на пол. Тун Цинхэ, прислонившись к стене, наконец, обессилел. Его руки бессильно легли на пол, как у хромого детёныша, который не может встать.

— Дя-дя... — Он с трудом и дрожа перевёл взгляд на угол, где стоял телефон, и с трудом пополз к нему, претерпевая свои муки.

Слабые мокрые следы оставляли на полу длинный след. Тун Цинхэ с трудом дополз до телефона. Он не удержал трубку, и она ударила его по голове. Затылок дрогнул, нос снова стал

горячим и болел. Ощущение было липким и влажным. Он не мог понять, пот это или кровь из носа.

Тун Цинхэ медленно и тяжело нажал номер Цзян Шаочжи. Трубка упала к его уху. Он лежал на боку, прижав ухо к трубке, и с тревогой и одиночеством ждал, пока ответит другой конец.

Международный конференц-зал использовал спутниковую связь, блокирующую все сигналы за пределами зала.

В тот же день Цюцю, скучая по своему маленькому хозяину, специально накануне попросил разрешения у Тун Яо навестить Тун Цинхэ.

В то время, пока Тун Цинхэ не было дома, Цюцю целыми днями грустил. Тун Яо дала ему ключи от машины. Цюцю выбрал солнечный день, положил в красивую коробку специально приготовленные им закуски и поехал к новому дому маленького хозяина.

Все дороги в правительственном районе регулярно патрулируются охраной. Камеры наблюдения расположены в каждом уголке дорог, обеспечивая безопасность и прозрачность. Цюцю прибыл к воротам виллы, где жил маленький хозяин, нажал на звонок и стал терпеливо ждать.

Солнце было тёплым, но не жарким — погода, которую больше всего любил маленький хозяин.

В такие хорошие солнечные дни маленький хозяин предпочитал сидеть в кресле на балконе, читать или делать домашнюю работу. Цюцю, в зависимости от ситуации, приносил ему закуски. Тун Цинхэ любил сладкие и мягкие закуски, и Цюцю лучше всего умел их готовить.

Цюцю вспомнил своего маленького хозяина, и радость наполнила его глаза, которые ярко заблестели. Программа эмоционального контроля роботов была уже очень развита, и его мимика была живой и почти неотличимой от человеческой.

Он нажимал на звонок каждые две минуты. После пятого раза Цюцю с недоумением и любопытством заглянул за железные ворота, но никого не увидел.

Через десять минут Цюцю уехал, чувствуя себя очень разочарованным.

Не имея возможности связаться, Тун Цинхэ слабо прислонился к телефону и снова потерял сознание.

Время, когда он очнулся после этого обморока, сократилось на десять минут по сравнению с первым разом. Температура его тела не снизилась ни на йоту. В то же время у него не осталось ни малейших сил. Истощённое тело охватила другая, странная волна возбуждения.

Тун Цинхэ выражал мучение. Учащённое дыхание эхом отдавалось в гостиной. Он не мог контролировать возбуждение, поднимающееся внутри. Аромат жасмина вырывался наружу, беспорядочно растекаясь. Высокий жар сопровождался выбросом феромонов. В хаотичном сознании Тун Цинхэ остатки разума подсказывали ему, что нельзя оставаться в гостиной.

Процесс ползания по лестнице был мучительнее, чем он мог себе представить. На локтях и коленях Тун Цинхэ появились большие красные отёки с проступающей кровью. Это был путь, через который должен пройти каждый омега. Тун Цинхэ тихо всхлипывал, слёзы и феромоны продолжали бесконтрольно вытекать.

Он помнил, что ингибиторы лежали в ящике гостевой комнаты. Тун Цинхэ ничего не оставалось, кроме как доползти до гостевой, и там, дрожа от паники, нащупать в третьем ящике ингибиторы, предназначенные для омег.

Его пальцы дрожали, он не мог удержать даже шприц.

Тун Цинхэ долго возился, прежде чем смог подсоединить иглу к флакону с лекарством и ввести первую дозу ингибитора в своё тело.

Его тело горело, ему было плохо. Он приготовил вторую дозу, снова ввёл. Третья доза...

Когда содержимое четвёртого флакона было исчерпано, Тун Цинхэ вытащил иглу. Он остановил инъекции и, прислонившись к углу ящика, бился в конвульсиях.

Тун Цинхэ чувствовал, что вот-вот умрёт. Картина перед глазами была тёмной и нечёткой. Потерянные силы не восстанавливались. Но беспорядочно просачивающийся жасмин, казалось, постепенно стабилизировался. Случайно вырвавшийся жасминовый аромат, наткнувшись на стены, робко отступал, клубясь вокруг Тун Цинхэ.

Тун Цинхэ страдал, его разум отчаянно подавлял эмоции. Он непрерывно плакал. Отчаяние слилось в бескрайнюю пустыню. Замкнутое, тихое пространство не давало ему никакой надежды. Рядом не было никого, кто мог бы утешить и поддержать. Омега в гоне чувствовал себя покинутым всем миром.

— Дядя, дядя...

— Вернись скорей...

В отчаянии Тун Цинхэ изо всех сил открыл глаза и посмотрел в сторону шкафа. Казалось, он ухватился за слабую надежду. Он шатко попытался встать, но снова неловко упал. Дополз до двери шкафа и открыл её.

Перед ним висела пижама, которую Цзян Шаочжи надевал прошлой ночью. Тун Цинхэ

беспорядочно схватил её, натянул на голову.

Он глубоко вдохнул, впитывая уникальный запах Цзян Шаочжи, оставшийся на пижаме. Это было похоже на присутствие Цзян Шаочжи рядом, утешающего его разум, находящийся на грани срыва.

Тун Цинхэ, обняв тёмно-синюю пижаму, впал в дремоту. Четыре инъекции ингибитора могли временно стабилизировать вторую волну течи. Но неизвестно, как долго этот препарат будет действовать на омегу, вступившего в период. Первые две волны чуть не стоили ему жизни. Тун Цинхэ не мог представить, что будет, когда наступит третья волна, если Цзян Шаочжи не будет рядом.

А четвёртая или даже пятая?

Ингибиторов для омег, лежавших в ящике, осталось немного. В полусознании Тун Цинхэ вспомнил записку, оставленную Цзян Шаочжи. Он нахмурился, пытаясь вспомнить, где она.

В конце концов, он шатаясь добрался до ванной в главной спальне. В корзине для грязного белья он нашёл брюки, которые снял. Вывернув карман, он нащупал записку. Из-за воды, которой она промокла, почерк был нечётким, и несколько цифр было трудно разобрать.

Глава планеты М1 очень ценил пышность. На этом совместном международном совещании присутствовали высокопоставленные чиновники Федерации, чтобы удовлетворить тщеславие этого лидера.

М1 была крупнейшей энергетической планетой в галактике. Хотя планета была маленькой и вмещала только одно государство, именно это маленькое государство контролировало важную энергетическую артерию галактики.

В этом веке запасы энергии становились всё более скудными. Многие страны стремились получить долю энергии, поэтому они выражали искренность лидеру планеты М1, ища возможности для сотрудничества.

На сегодняшнем совещании многие заметили явный интерес лидера к генералу-майору Цзяну Федерации.

Особенно к духовному зверю генерала-майора — Цюн-ци.

Цзян Шаочжи умело общался с этими международными лидерами. Его речь была краткой, но он произносил одну за другой официальные фразы, его мышление было дотошным, а ответы — безупречными.

Тун Яо сидела в зале для слушателей, строго одетая, и наблюдала с холодным выражением

лица. Этот генерал-майор был её будущим зятем.

В уме она подсчитала время. Течка её брата должен был начаться примерно сейчас или на прошлой неделе. Она подозвала Чжоу Чэ и тихо попросила его связаться с Цюцю, спросить, не видел ли он сегодня Тун Цинхэ, и добавила:

— Если не сможешь связаться с Цюцю, свяжись с Сяо Хэ напрямую.

Получив приказ, Чжоу Чэ быстро вышел из конференц-зала, чтобы выполнить поручение Тун Яо.

Сначала он связался с Цюцю. Голос робота удивил его. Он не мог понять, был ли это имитатор или человек. Через коммуникатор Чжоу Чэ ясно почувствовал тоску Цюцю и его скуку по маленькому хозяину.

Современные роботы настолько продвинуты, их эмоции реалистичны и живы, что почти неотличимы от человеческих.

Он немного утешил его:

— Не расстраивайся. Ты сказал, что не видел своего маленького хозяина сегодня, верно?

Цюцю поспешно закивал, вспомнив, что Чжоу Чэ не может этого видеть, и ответил несколько раз:

— Нажимал на дверной звонок несколько раз. Никого не было десять минут.

Цюцю был очень расстроен:

— Не знаю, спит ли маленький хозяин.

Чжоу Чэ поднял бровь:

— Понял. Я сейчас свяжусь с ним. — Он сделал паузу и добавил, по велению сердца: — Не грусти. Если я свяжусь с твоим маленьким хозяином, я позвоню тебе ещё раз?

Эти слова вырвались у него. Чжоу Чэ был удивлён. Цюцю сказал:

— Да, да, конечно.

Чжоу Чэ невольно рассмеялся:

— Где можно купить такого робота, как ты? Я тоже хочу купить такого же робота, как Цюцю.

Цюцю честно ответил:

— Цюцю был модифицирован после тщательной и осторожной модернизации. На рынке, вероятно, его не найти.

Чжоу Чэ рассмеялся:

— Ладно. На этом всё. Я свяжусь с твоим маленьким хозяином. Поговорим позже.

Закончив разговор с Цюцю, Чжоу Чэ набрал личный номер Тун Цинхэ. Странно, но он не смог связаться с ним. Он позвонил три раза. После того, как никто не ответил, звонок перешёл на голосовую почту, а затем автоматически отключился.

Чжоу Чэ был озадачен. Он быстро вернулся в конференц-зал и доложил о ситуации Тун Яо.

Тун Яо сдержала выражение лица:

— Не можешь связаться с Сяо Хэ?

Её брат с детства был послушным и редко сам связывался с ней, боясь помешать её работе. Но всякий раз, когда Тун Яо звонила домой, Тун Цинхэ быстро отвечал.

Тун Яо охватило нехорошее предчувствие. Цзян Шаочжи всё ещё был на совещании, и ей нужно было найти способ сообщить ему об этом.

Тем временем Тун Цинхэ медленно приходил в себя после третьего обморока.

Высокая температура, как пламя, обжигала его конечности и тело. Феромоны заполнили всю спальню. Запах был насыщенным, ароматным и сладким, отчаянно ищущим выход.

Концентрация феромонов свидетельствовала о полной зрелости омеги после совершеннолетия. В этот момент, если кто-то слегка коснётся его, он может начать истекать сладким соком, обнажая созревшую, ярко-красную мякоть.

Шторы были плотно задёрнуты. В спальне было темно, ни единого луча света.

Тун Цинхэ крепко стиснул губы. Из его горла вырывались прерывистые всхлипы. Огромная боль разрывала его тело. Наступала третья волна течи.

Альфа...

Он хотел своего альфу.

Тун Цинхэ нащупал рядом ингибиторы. Его руки сильно дрожали. Третья волна была сильнее, чем предыдущие две. Его худое тело согнулось и тряслось. Он не мог удержать шприц. Игла проколола кожу, но не попала в вену на руке.

Он не мог даже держать иглу.

Тун Цинхэ поднёс шприц к вене на шее. Как только он коснулся, кожа на шее покрылась большой влагой, что его потрясло.

Железа созрела. Из задней части шеи обильно выделялась влажная жидкость с запахом феромонов.

Стоило Тун Цинхэ только слегка коснуться себя, как его тело тут же задрожало, став чрезвычайно чувствительным. Всё его тело было ему неподвластно. Он стиснул зубы и терпел, не смея больше трогать.

Ладонь была покрыта слоем жидкости, очень липкой и влажной. Шприц выскользнул из его руки. Тун Цинхэ потянулся, чтобы взять его, но внезапное головокружение заставило его тяжело упасть ниц. Жидкость, вытекающая из железы, потекла по затылку на пол.

Тело Тун Цинхэ непрерывно дрожало. Железа — это отверстие половой физиологии омеги. Теперь она полностью созрела и открылась. Выделяющаяся жидкость была подобна бесконтрольному желанию. Это маленькое отверстие нужно было прокусить и закрыть его идеально подобранным альфой после метки.

Тун Цинхэ слабо заплакал.

Дядя.

Дядя.

Всепоглощающий страх и одиночество, словно дикий зверь, проглотили его. Перед глазами Тун Цинхэ была тьма, он не видел ни света, ни своего альфы.

Он в муках бил головой о пол. Боль, многократно усиленная в темноте, удивительным образом облегчала страдания от гона. Пока это была боль, она накладывалась на него, позволяя ему поддерживать разум, а не поддаваться этому сложному желанию.

Лоб был разбит до крови. Кровь смешалась с жидкостью и потом. Тун Цинхэ, почти потерявший рассудок, не мог отличить одно от другого. Он просто медленно, раз за разом, ударялся лбом о твёрдое место.

Совещание подходило к концу. Цзян Шаочжи, обычно невозмутимый, почему-то чувствовал беспокойство. Он поднял руку, посмотрел на время и подумал о том, чтобы поскорее закончить и вернуться домой.

Его маленький омега, уходя, клялся, что закончит свою диссертацию. Вероятно, он уже закончил. Он был умён и прилежен в учёбе. Казалось, не было ничего в академическом плане, что могло бы его затруднить.

Думая о Тун Цинхэ, Цзян Шаочжи не мог контролировать свои мысли.

Его взгляд бесцельно скользнул. Внезапно он увидел, как Тун Яо подаёт ему знак. Цзян Шаочжи осмотрелся. Совещание почти закончилось. Он спустился со сцены. Тун Яо с напряжённым лицом тихо рассказала ему обо всём.

Чжоу Чэ уже выехал в район вилл. Перед отъездом он взял с собой двух бет на случай чрезвычайной ситуации. Услышав это, Цзян Шаочжи убедился в своём беспокойстве, возникшем без видимой причины.

Он позвал своего доверенного лицо, чтобы оставить указания. Кажется, он собирался немедленно покинуть совещание.

Тун Яо сказала:

— Генерал-майор, это важное совещание. Вы не пожалеете, если уйдёте?

Цзян Шаочжи почти не колебался:

— Тун-Тун — мой омега.

Ни один альфа не бросит своего омегу в беде.

Цзян Шаочжи незаметно покинул Международный конференц-зал. Он мчался к району вилл на максимальной скорости.

Главная спальня была в полном беспорядке. Феромоны жасмина смешались с запахом крови и слабым ароматом жидкости железы. Столы и углы кровати были сбиты Тун Цинхэ.

Конечности ослабли. Он лежал на полу в полудремоте, не понимая, жив он или мёртв. Одеядло, упавшее на пол, валялось у его ног, истерзанное до неузнаваемости.

Как только Цзян Шаочжи открыл дверь, аномально густой аромат жасмина, смешанный с неизвестным запахом, наперегонки хлынул ему в нос. Цзян Шаочжи почти одновременно выпустил свой сандаловый аромат, чтобы противостоять и подавить его.

Он быстро осмотрелся: телефон, упавший на пол; опрокинутые столы и стулья; и небольшая, подсыхающая лужица крови у лестницы.

Кадык Цзян Шаочжи дёрнулся. Он громко крикнул:

— Тун-Тун!

Его крепкие, длинные ноги быстро зашагали вверх по лестнице.

В сознании, затуманенном бредом, Тун Цинхэ слышал голос своего альфы. Цзян Шаочжи торопился и звал его по имени. Тун Цинхэ резко открыл свои затуманенные глаза и недоверчиво пошевелил губами.

— Дядя...

Неизвестная сила подняла Тун Цинхэ, заставляя встать. Сандаловый аромат, который он уже ощущал, заранее окутал его, неся успокаивающий эффект.

Тун Цинхэ, весь в слезах, распахнул дверь и, шатаясь, побежал вниз.

Омега был истерзан до неузнаваемости. В тот момент, когда Цзян Шаочжи увидел своего омегу, он едва мог пошевелить ногами, его глаза горели.

Они встретились на лестнице. Тун Цинхэ стоял на ступеньке, всего в трёх ступеньках от Цзян Шаочжи.

— Дядя, — Тун Цинхэ полностью расслабился и рухнул вниз.

Он упал в объятия Цзян Шаочжи. Альфа обнял его широко и тепло. Сладкий сандаловый аромат сегодня был с кислым оттенком, нежно успокаивая разбитый лоб.

На чистом, гладком лбу Тун Цинхэ была ужасающая красная рана.

Единственный инстинкт Цзян Шаочжи — крепко обнять своего израненного маленького омегу. Его ладонь почувствовала влагу.

Тун Цинхэ был в бреду, но не мог перестать дрожать. В нём поднималось отчаянное желание.

Он поднял лицо, почти касаясь губ Цзян Шаочжи.

— Дядя, пожалуйста, пометь меня...

<http://bllate.org/book/4/83>